Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

25 МАР 1980

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОЛОДОСТЬ

Идет война. А лейтенант по имени Володька получил право на глоток мирной жизни — отпуск по ранению. Она, эта жизнь, захватывает его своей непривычностью и сложностью. И первая любовь, и счастье просто жить вдали от крови и смерти... Оказывается, что не по силам ему это счастье — вдали от воинского братства. И вот на одной чаше весов — право не возвращаться в огонь, на другой — совесть солдата. И эта, другая, перевешивает...

В Театре на Малой Бронной идет репетиция пьесы В. Кондратьева «Отпуск по ранению». Почему именно она привлекла постановщика Александра Дунаева? И пока актер Олег Вавилов «обживает» роль главного героя Володьки-лейтенанта, режиссер размышляет о жизни, о спектакле.

— Вячеслав Кондратьев, на мой взгляд, удивителен и как художник, и как человек. Пройдя войну, он сохранил добрый взгляд на мир, что так неожиданно выразилось в его повести «Сашка». Она подкупила меня своей необычайной чистотой, в которой мы так нуждаемся в наш сложный век. Речь идет о неистребимости доброты в том поколении, которое вынесло на своих плечах тяготы войны. Меня всегда волновал вопрос о природе та-

кой доброты, о нравственных и духовных истоках формирования личности, способной не только выстоять в испытаниях, но и утверждать добро. В авторе повести я увидел драматурга-единомышленника. Исследование нравственного потенциала людей — моя главная тема. Ее пытался я поднять в «Золотой карете» Л. Леонова, «Океане» А. Штейна, поставленных ранее в ЦТСА. Об этом же мой спектакль «Луниин, или Смерть Жака...».

Надеюсь, что герои нового спектакля «Отпуск по ранению» продолжат эту эстафету.

Александр Леонидович упоминает о том, о чем, право, не грешно сказать сегодня, в день его шестидесятилетия. Этот спектакль ему важен не только как выражение собственного художнического мировоззрения и не просто как новая его творческая работа. Это еще и его возвращение в собственную молодость. Как и его герой, он прошел войну, служил в морской авиации, и нравственные искания лейтенанта Володьки — это рассказ и о его собственном, лейтенанта Дунаева, духовном становлении.

35 лет назад он, не успев снять военной шинели, пришел в Ленинградский институт театрального искусства имени А. Островского, твердо зная,

что свяжет свою судьбу с театром.

Для него, как для режиссера и художественного руководителя сначала Саратовского тюза, потом ЦТСА, а нынче Театра на Малой Бронной, всегда на первом месте драматургия. Особое место — классика.

— Именно потому, что классика нетленна и бездонна, она всегда открывает перед истинным художником возможности творческого осмысления. Она открывает не только нам себя самое, она открывает нам нас самих, нашу состоятельность — и духовную, и творческую.

Таким открытием для Дунаева были поставленные в разное время «Дворянское гнездо» И. Тургенева и «Бесприданница» А. Островского, «Мещанин во дворянстве» Мольера и «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «Враги» М. Горького и «Кавказский меловой круг» Б. Брехта.

Этапными для него стали спектакли «Человек с ружьем» Н. Погодина в Словацком национальном театре и «Трибунал» А. Макаенка и «Варвары» М. Горького, который сегодня, в день рождения постановщика, идет на сцене его родного театра.

Театр на Малой Бронной

справедливо считают творческим коллективом, главное направление которого — неустанный поиск индивидуальной художественной манеры, стремление выразить свое отношение к миру с гражданской позиции. Круг современных авторов театра — Л. Леонов и В. Розов, А. Арбузов и С. Аleshин, Л. Зорин и А. Макаенко, Э. Радзинский. Во многом это заслуга Александра Дунаева. Рядом с ним в театре ярко и непохоже работает режиссер Анатолий Эфрос.

Рядом или вместе?

— Да, наши актеры работают в двух режиссерских планах. На этот счет очень точно сказал С. Юрский: «Ансамбль — не унификация. Ансамбль — добровольное творческое объединение крайностей. Единомышленники не те, кто думает одинаково, а те, кто думает об одном, кто имеет общую цель». Если я, прожив немалую жизнь в искусстве, только себя одного считаю личностью, то я не художник.

Шестьдесят лет... Это значит, что сделано немало. А вместе с тем — далеко не все для художника, обладающего способностью возвращаться в собственную юность.

И. МИЗЕНЧИКОВА.